DOI 10.32726/2411-3417-2026-3-59-67
УДК 327; 94

Алексей Штрыков

Постамериканский Ирак: сценарии борьбы внутренних и внешних сил и риски региональной дестабилизации

Аннотация. *В статье анализируются внутриполитические и международные последствия вывода американских войск из Ирака, завершившегося в сентябре 2026 года. Особое внимание уделяется роли шиитских вооруженных формирований в Ираке в контексте их взаимоотношений с официальными властями, а также конкурирующим стратегиям внешних игроков. Анализ показывает, что вывод американского контингента мог рассматриваться Вашингтоном как часть более широкой стратегии по дестабилизации региона и усилению давления на Иран. В условиях межконфессиональных противоречий, сохраняющихся в Ираке и регионе в целом, существует высокий риск возрождения экстремистских структур с потенциально широкими логистическими и оружейными каналами.*

Ключевые слова: *Ирак, Иран, Турция, вывод войск США, межконфессиональная напряженность, экстремизм, вооруженные формирования, американская стратегия, дестабилизация Ближнего Востока, черный рынок вооружений.*

30 сентября 2026 г. завершился вывод американского военного контингента из Ирака, где войска так называемой международной коалиции во главе с США находились с 2014 г. под предлогом борьбы с группировкой ИГИЛ (признана террористической и запрещена в РФ). Это событие знаменует начало масштабной реконфигурации сил на Ближнем Востоке. Перестав быть региональным полюсом силы еще в 2003 г., Ирак остается критически значимым ввиду своего геостратегического положения. Сложившаяся там новая ситуация, которую аналитики именуют «вакуумом силы» [1] обострит и соперничество внутри страны, и противостояние внешних игроков, стремящихся использовать иракскую территорию как плацдарм для проецирования собственных интересов.

Решение завершить военное присутствие США в Ираке не было спонтанным. Его институциональные рамки Вашингтон и Багдад согласовали еще в сентябре 2024 г. Согласно графику, американцы должны были уйти из арабской части Ирака к сентябрю 2025 года, из Иракского Курдистана — годом позже.

Параллельно с этим в Багдаде предпринимались попытки использовать процесс для переформатирования внутрииракского баланса сил. В ноябре 2025 г. Мухаммед Шиа

Сведения об авторе: *ШТРЫКОВ Алексей Михайлович — эксперт Фонда исторической перспективы, alexey.shtrykov@yandex.ru.*

ас-Судани, на тот момент премьер-министр Ирака, публично связал уход сил международной коалиции с разоружением шиитских формирований. О том, что группы иракских «параллельных вооруженных формирований» слабо контролируются официальными властями и «насчитывают десятки тысяч бойцов, в том числе верных Тегерану», СМИ писали долгие годы [2]. Если в случае с йеменскими хуситами Иран последовательно отрицает какую-либо военную поддержку, то его давняя роль в координировании иракских шиитских групп фактически не скрывается.

Шиитские формирования

По оценкам, шииты составляют более 60% населения Ирака [Annual Report. P. 65]. Примечательно, что первая за многие десятилетия перепись населения, прошедшая в стране в 2024 г., не конкретизировала эту цифру: по решению федерального суда единственный вопрос о религии заключался в том, относит ли себя респондент к мусульманам или христианам — без уточнения деноминаций [3]. Это недвусмысленно показывает, что вопрос конфессиональной принадлежности остается в Ираке крайне деликатным и даже болезненным.

Обострение напряженности между суннитами и шиитами началось в стране еще в период Ирано-Иракской войны 1980-88 гг. и подпитывалось дальнейшими действиями Саддама Хусейна, направленными на суннитизацию общества, путем которой он рассчитывал упрочить свои позиции в глазах соседних монархий. Однако подлинная поляризация по религиозному признаку произошла в Ираке после свержения Хусейна и решения оккупационной администрации во главе с Полом Бремером демонтировать прежние институты государственной власти. При этом Бремер активно насаждал мифологизированный нарратив, сравнивая режим Хусейна с нацистским и представляя шиитов в роли жертв, а суннитов — в роли гонителей. Возникли идеальные условия, чтобы общество, лишенное иных точек сборки, начало коагулироваться вокруг религиозных лидеров и организаций, подчас радикального толка, и формировать вооруженные отряды для отстаивания своих интересов и терроризирования противников [Rosen. P. 19, 28-32].

Примечательно, что поначалу действия шиитских сил пользовались поддержкой двух геополитических противников: США и Ирана. Вашингтон видел в них инструмент недопущения реванша баасистской элиты, Тегеран планомерно расширял свое влияние. В скором времени Ирак погрузился в беспрецедентный для себя вооруженный религиозный конфликт, причем на стороне шиитов выступали силовые структуры новой власти, а на стороне суннитов — бывшие силовики Хусейна.

Ситуацией активно пользовались экстремистские салафитские (ваххабитские) группировки, такие как «Аль-Каида» (признана террористической и запрещена в РФ). Впрочем, нужно отметить, что в суннитской среде были активны не только они — в 2005-2013 гг. в провинции Анбар успешно действовала вооруженная коалиция арабских племен, известная как «Сахва» («Пробуждение»), которая получала поддержку от аме-

риканцев и задействовалась ими в борьбе с «Аль-Каидой». На фоне военных успехов суннитская община пыталась отстаивать свои права в политическом поле, что не устроило премьер-министра Нури аль-Малики (возглавлял правительство в 2006-2014 гг.). В итоге отряды «Сахвы» были распущены, командиры — репрессированы, а рядовые члены, столкнувшись с дискриминацией, пополнили ряды новой террористической организации — ИГИЛ [Кузнецов. С. 82-85].

В условиях общей неспособности иракской армии противостоять стремительным действиям ИГИЛ Багдаду пришлось полагаться на вооруженные ополчения. В 2014 г. была образована зонтичная военная структура «Силы народной мобилизации» (СНМ) — своего рода вторая армия, в которую вошли десятки вооруженных групп, прежде всего шиитских, но впоследствии также суннитских, христианских и езидских. Ее правовой статус был законодательно закреплен в 2016 г. Официально СНМ поступили в прямое подчинение премьер-министру Ирака, однако в действительности сохранили значительную автономию [Аль-Джанаби].

Хотя большинство иракских шиитов относятся к двунадесятникам (тому же течению шиитского ислама, что и иранское высшее руководство), не все они лояльны Тегерану. Это же можно сказать о шиитских военизированных формированиях. На протяжении долгих лет, помимо проиранских групп, над эффективностью которых работал Корпус стражей Исламской революции, в Ираке действовали группы, ориентированные на таких иракских религиозно-политических деятелей, как аятолла Али ас-Систани и Муктада ас-Садр, настороженно, а подчас и критически относящихся к усилению Ирана [Чикризова. С. 78-80].

Сотрудник американского аналитического центра Foreign Policy Research Institute Мохаммед Салих отмечает наличие у шиитских формирований в Ираке собственных мощностей по производству ракет и БПЛА, а также то, что с момента обострения конфликта в секторе Газа в октябре 2023 г. многие из этих групп участвовали в атаках на силы и объекты США на Ближнем Востоке, влияя таким образом как на динамику в сфере внутренней безопасности Ирака, так и на международные отношения в регионе [Salih].

В таких условиях попытка иракского руководства добиться в связи с прекращением военного присутствия США разоружения формирований и их полного перехода под контроль федерального центра (что приветствовали А. ас-Систани и М. ас-Садр) выглядит логичным ходом. Планировалось, что полная сдача оружия произойдет одновременно с выводом последнего американского солдата, однако реальный политический процесс быстро сломал эту жесткую конструкцию.

Вывод войск США и вопрос разоружения

В конце июля — начале августа 2026 г. Багдад ультимативно обозначил дату разоружения ополчений, 30 сентября, и пригрозил применить к несанкционированной воен-

ной активности закон о противодействии терроризму [4]. Во второй половине августа Ирак посетил спикер иранского парламента Мохаммад-Багер Галибаф. Вскоре после этого (а по мнению некоторых экспертов — и вследствие этого) жесткий тон иракских властей сменился риторикой о поэтапной интеграции. Было объявлено, что шиитские бригады будут не упразднены, но интегрированы в СНМ. С 30 сентября стали связывать лишь старт переговоров по вопросам регулирования вооружений. Продлиться эти переговоры могли сколько угодно [5].

Новый график растянул процесс сдачи оружия до 30 июня 2027 г., информация о деталях поступала противоречивая, а поле для уловок и маневров осталось весьма большое (в том числе имеются сведения о том, что существующие формирования планируется встраивать в СНМ целиком, то есть с сохранением их сложившейся организационной и командной структуры), но Вашингтон формально выразил свое согласие [6]. Однако 30 сентября, когда иракское правительство сделало соответствующее объявление, группы, входящие в состав «Исламского сопротивления в Ираке», отвергли любые директивные политические рамки, навязываемые сверху [7].

Исходя из сценариев вероятного развития событий, полноценное разоружение шиитских формирований едва ли произойдет — тем более с учетом войны, развернутой США и Израилем против Ирана. Для Тегерана отказаться от столь значимого козыря в большом ближневосточном конфликте было бы слишком опрометчиво. Почему же Соединенные Штаты отказались от такого козыря, как военное присутствие на иракской территории?

Еще 31 августа Багдад заявил, что отвергает предложение международной коалиции оставить в стране часть ее контингента после 30 сентября 2026 г. [8]. Тем не менее, как показывает исторический опыт, Вашингтон мог бы попытаться отменить либо задержать вывод своих войск или даже нарастить их численность — ссылаясь на тот же конфликт, — но этого не сделал.

В экспертной среде вывод американских войск из Ирака получил неоднозначную трактовку. Одни называют его дипломатической уступкой Белого дома, своеобразным жестом доброй воли, другие — вынужденным и даже целесообразным для США шагом. Последние месяцы показали крайнюю незащищенность американских баз перед массированными ударами БПЛА и ракет. В Иракском Курдистане американские военнослужащие фактически превратились в статичные мишени — заложников ситуации, неспособных оказывать реальное влияние на региональный баланс сил, но создающих для руководства США постоянный политический риск людских потерь.

«Растущая уязвимость американских баз из-за распространения недорогих дронов и ракет — ситуация, которая только усугубится с внедрением систем наведения на основе искусственного интеллекта — не имеет простого решения, — писал 28 сентября в The Washington Post военный историк Макс Бут. — Чтобы предотвратить удары по базам, можно их закрыть, но это имело бы пагубные политические последствия, сигнализируя об отступлении США» [Boot].

Расчет и сценарии внешних сил

Впрочем, Вашингтон не уходит из Ирака полностью — он сохраняет финансово-экономические рычаги давления: программы военно-технического сотрудничества, а также контрольные счета Центробанка Ирака в Федеральной резервной системе США, через которые проходят расчеты за иракскую нефть [9].

Тегеран, в свою очередь, делает ставку на шиитское большинство и наличие боеспособных проиранских отрядов. Формально иракское законодательство запрещает политическим партиям иметь боевые организации, но на практике этот запрет успешно обходится через механизмы вышеупомянутых «Сил народной мобилизации», что обеспечивает союзникам Тегерана полную интеграцию в государственную систему [Аль-Джанаби]. Эти группы, по мнению экспертов, имеют для Ирана не только военно-политическое, но и экономическое значение, помогая ему через различные каналы обходить западные санкции [Salih].

Вторым мощным внешним центром силы в постамериканском Ираке выступает Турция. Зона ее приоритетных интересов — Иракский Курдистан, где турецкие войска находятся десятилетиями. Целью планомерных действий Анкары было ослабление ее давнего противника, Рабочей партии Курдистана (РПК). В мае 2025 г. РПК приняла решение о самороспуске и к 8 октября 2026 г. вывела все свои вооруженные формирования из Турции и приграничных районов, переводя таким образом борьбу из военной плоскости в политическую [10]. Свою роль в ослаблении курдов играет политический раскол местных элит, усугубившийся после референдума о независимости Иракского Курдистана 2017 г. В свете ухода США, традиционного покровителя курдских автономий, столица Иракского Курдистана Эрбиль, потеряв «зонтик», может стать сговорчивее в диалоге с Анкарой и Багдадом. С другой стороны, вполне обоснованное чувство возросшей уязвимости рискует подтолкнуть курдские структуры к ремилитаризации и реактивации.

Для Багдада турецкое присутствие — предмет сложного маневрирования. Безусловно, оно является нарушением государственного суверенитета, но служит и естественным геополитическим противовесом иранскому доминированию. Заманчиво выглядит и перспектива возобновления транспортировки нефти по ирако-турецкому трубопроводу Киркук — Джейхан (что особенно актуально в период повышенной волатильности в зоне Персидского залива) [11]. Трубопроводный экспорт мог бы в большей степени развернуть иракскую нефть на европейские рынки, в настоящий момент испытывающие дефицит энергоносителей. Есть у Турции и еще один рычаг: каскад плотин GAP (Проекта Юго-Восточной Анатолии) в верховьях Тигра и Евфрата, благодаря которому она может облегчать или усложнять ситуацию для всего сельского хозяйства Ирака [Штрыков].

Однако ни усиление Турции, ни тем более Ирана не устраивает еще одного важнейшего ближневосточного игрока, интересы которого неуклонно стараются блюсти

США, — Израиль. Вполне возможно, что, выводя из Ирака свои войска, Вашингтон рассчитывает на стратегическую дестабилизацию региона путем его повторной мощной радикализации.

Прослеживается параллель с выводом войск США из Афганистана в 2021 г., когда американцы бросили в этой стране огромное количество оружия, которое легко могло попасть в руки группировок, представлявших угрозу для России и ее соседей. Комментируя ситуацию, Николай Патрушев, на тот момент возглавлявший Совет Безопасности РФ, сравнил ее с «бомбой замедленного действия» [Выступление Секретаря Совета Безопасности…]. Если дестабилизация региона входила в планы администрации Джо Байдена, то тогда расчет не оправдался: Москва и Пекин сумели оперативно выстроить с движением «Талибан» прагматичный диалог. Однако Иран рискует получить на своих западных границах силу, с которой заведомо не сможет договориться.

«ИГИЛ 2.0»

С 30 сентября 2026 г. США фактически полностью сняли с себя ответственность за дальнейшее развитие событий в Ираке. В случае как сохранения вооруженных шиитских формирований, так и их разоружения, достаточно будет нескольких спровоцированных конфессиональных инцидентов, чтобы запустить процесс стремительной радикализации иракских арабов-суннитов, после чего они могли бы взяться за оружие и объединиться с остатками ИГИЛ.

С учетом текущего ослабления курдов (и в частности РПК), гипотетическая новая экстремистская «сборка» (условное «ИГИЛ 2.0») может получить гораздо большую оперативную свободу, чем 10-15 лет назад. В Ираке сохраняются обширные суннитские регионы (провинции Анбар, Найнава, Салах-эд-Дин). Их дестабилизация позволит пробить непрерывный коридор от восточной Сирии к Ирану. Даже если речь будет идти о малом участке 1400-километровой ирано-иракской границы — и даже при умеренно-негативном сценарии — Иран окажется вынужденным отвлекать значительные силы и ресурсы на иракское направление.

При наиболее радикальном развитии событий он впервые за десятилетия рискует получить полноценный сухопутный фронт. Не будем забывать, что до сих пор американо-израильские действия против Ирана были лишены именно сухопутной составляющей. Не желая рисковать собственными военнослужащими, Вашингтон и Тель-Авив так и не смогли найти региональные государства, готовые воевать с Ираном. Реконструированное фанатичное экстремистское движение в Ираке, стань оно реальностью, способно восполнить этот пробел.

Хаотизация грозит ударить и по Турции, а если североиракские нефтяные месторождения подпадут под контроль джихадистов, они могут стать источником финансирования борьбы как против Тегерана, так и против Анкары.

У потенциальной хаотизации Ирака прослеживается целый круг бенефициаров. Помимо США и Израиля, которые переложат задачи по противодействию Ирану на третью силу, снимая с себя военные и политические риски, в их круг входит и Саудовская Аравия. Хотя Эр-Рияд официально заявляет о стремлении к нормализации положения в регионе, союзные хуситам шиитские формирования Ирака остаются для него прямой военной угрозой, учитывая удары по саудовской нефтетранспортной инфраструктуре [12]. Не будем забывать, что религиозным базисом радикализации иракского суннитского населения в прошлом выступала именно салафитская идеология, экспортировавшаяся саудовскими проповедниками и организациями. Задействовать ее могут и для «ИГИЛ 2.0».

Черный рынок

Фундаментальный вопрос любого экстремистского проекта — источники вооружения. В отличие от 2014 г., когда ИГИЛ во многом захватывало склады отступающей иракской армии, новая группировка может получить доступ к высокотехнологичному оружию через международные теневые каналы — и, вероятнее всего, при участии Украины. Киевский режим, открыто проявляющий враждебность к Ирану как к военно-политическому партнеру России, заинтересован в создании любых фронтов, отвлекающих ресурсы Тегерана и Москвы. Более чем вероятным выглядит создание логистической цепочки поставок вооружений с Запада через украинскую прокладку на Ближний Восток. О подобных фактах Россия последовательно заявляла, в том числе в Организации Объединенных Наций. «Оружие, на бумаге поставляемое киевскому режиму, в последующем всплывает в Африке, Азии и Латинской Америке, — отметил на заседании СБ ООН в апреле 2026 г. Василий Небензя. — Евросоюзовскими усилиями Украина превратилась в крупнейший центр незаконного оборота оружия. По подсчетам такого авторитетного американского аналитического центра, как «Институт изучения войны», каждый третий автомат, попавший в руки экстремистских и террористических групп по всему миру, — украинского происхождения» [Выступление Постоянного представителя ...].

В такой ситуации проиранские силы в Ираке тем более оказываются лишены стимула к разоружению. К тому же — регулярная иракская армия в свое время продемонстрировала полную неспособность сдерживать натиск ИГИЛ. Сомнительно, что шиитские бригады прекратят удары по объектам, связанным с США, и союзникам американцев в регионе. Заблаговременно выведя войска, Вашингтон получает возможность решать этот вопрос силовым путем, без риска для себя интенсифицируя удары по иракским шиитам.

Выводы

Разрастание нового джихадистского очага в Ираке рискует нанести прямой ущерб ключевым державам Евразии — России и Китаю. Помимо ослабления их союзника и страны БРИКС — Ирана, это непосредственный удар по китайской концепции «Один

пояс — один путь», угроза инвестициям в иракскую нефтедобычу, дестабилизация поставок, а также возрождение экстремистской и террористической угрозы, к которой в Москве и Пекине традиционно относятся самым серьезным образом.

Тем не менее описанный мрачный сценарий не неизбежен. В нем заложено множество неизвестных переменных — начиная с того, что радикализация населения и организация боевых структур потребует значительного времени. В таком случае у региональных и глобальных игроков в распоряжении есть как минимум несколько месяцев, которыми важно правильно распорядиться. Возможно, предупреждение катастрофического развития событий потребует ситуативного объединения усилий таких традиционных соперников, как Тегеран и Анкара. В противном случае Ближний Восток рискует погрузиться в новый цикл военного противоборства, по своим масштабам превосходящий события прошлого десятилетия.

Примечания

1. См.: *Sharp A.* U.S. Forces Leave Behind a Power Vacuum in Iraq. // Foreign Policy. 30.09.2026. — URL: foreignpolicy.com/2026/09/30/us-military-withdraws-troops-iraq-power-vacuum-iran-islamic-state-hegseth/ (date of access: 20.10.2026).
2. См.: *Rubin A.* 20 Years After U.S. Invasion, Iraq Is a Freer Place, but Not a Hopeful One. // The New York Times. 18.03.2023. — URL: nytimes.com/2023/03/18/world/middleeast/iraq-war-20th-anniversary.html (date of access: 20.10.2026).
3. См.: Iraq's population grew to 45.4 million according to the first survey in decades. // AP. 25.11.2024. — URL: apnews.com/article/iraq-population-census-a74ca47e45036b9a593824df0d5889e3 (date of access: 20.10.2026).
4. См.: *Mahmoud S.* Disarm by September 30 or face terrorism charges, Iraqi leadership warns Iran-backed militias. // The National News. 06.08.2026. — URL: thenationalnews.com/news/mena/2026/08/06/disarm-by-september-30-or-face-terrorism-charges-iraqi-leadership-warns-iran-backed-militias/ (date of access: 20.10.2026).
5. См.: *Saadoon M.* Iraqi Government Reaches Agreement With Factions on Weapons. // MBN. 22.09.2026. — URL: alhurra.com/en/41684 (date of access: 20.10.2026).
6. См.: *Hagedorn E.* Rubio meets Iraq's PM as remaining US troops prepare exit. // Al-Monitor. 21.09.2026. — URL: al-monitor.com/originals/2026/09/rubio-meets-iraqs-pm-remaining-us-troops-prepare-exit (date of access: 20.10.2026).
7. См.: المقاومة الاسلامية في العراق [Исламское сопротивление Ирака]. منذ أكثر من أربعين يوماً [Более сорока дней...] // Telegram: социальная сеть. 30.09.2026. — URL: t.me/ElamAlmoqawama/1649 (date of access: 20.10.2026).
8. См.: *Шабловский В.* Ирак отказался оставить на своей территории военных коалиции во главе с США. // Российская газета. 31.08.2026. — URL: rg.ru/2026/08/31/irak-otkazalsia-ostavit-na-svoej-territorii-voennyh-koalicii-vo-glave-s-ssha.html (дата обращения: 20.10.2026).
9. См.: *Rasheed A.* Explainer: How the US controls Iraq›s oil revenues. // Reuters. 30.09.2026. — URL: reuters.com/business/energy/how-us-controls-iraqs-oil-revenues-2026-09-30/ (date of access: 20.10.2026).
10. См.: Al Hadath: РПК объявила о завершении вывода войск из Турции. // ТАСС. 08.10.2026. — URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/28194425 (дата обращения: 20.10.2026).

11. См.: *Abdul-Zahra Q.* Iraq and Turkey strike a 1-year oil pipeline deal to boost exports during ongoing Hormuz closures. // AP. 01.08.2026. — URL: apnews.com/article/iraq-turkey-oil-pipeline-agreement-f930588c201d6cb36c1cedb26a1f9331 (date of access: 20.10.2026).
12. См.: *Al-Nawab A.* Exclusive: IRGC, Houthis behind Saudi pipeline attack, Iraq probe finds. // The New Arab. 28.09.2026. — URL: newarab.com/news/exclusive-irgc-houthis-behind-saudi-pipeline-attack-iraq (date of access: 20.10.2026).

Литература

Аль-Джанаби А.С. Иракские Силы народной мобилизации на пороге институционального оформления // РСМД. 12.08.2025. — URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/irakskie-sily-narodnoy-mobilizatsii-na-poroge-institutsionalnogo-oformleniya/ (дата обращения: 20.10.2026).

Выступление Постоянного представителя В.А. Небензи на заседании СБ ООН по взаимодействию ООН с ЕС. // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. 13.04.2026. — URL: russiaun.ru/ru/news/unsc_uneu (дата обращения: 20.10.2026).

Выступление Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Н.П.Патрушева на открытии XVII Совещания руководителей органов безопасности и разведывательных служб государств-участников СНГ по вопросам разведывательной деятельности // Совет Безопасности Российской Федерации. 13.10.2021. — URL: scrf.gov.ru/news/speeches/3098/ (дата обращения: 20.10.2026).

Кузнецов А. Конфессиональная поляризация в постсаддамовском Ираке и проблемы суннитско-шиитских отношений // Россия и мусульманский мир. 2016. №10 (292). — URL: cyberleninka.ru/article/n/konfessionalnaya-polyarizatsiya-v-postsaddamovskom-irake-i-problemy-sunnitsko-shiitskih-otnosheniy-1 (дата обращения: 20.10.2026).

Чикризова О. С. Шиитские негосударственные вооруженные группировки на Ближнем Востоке: иракский кейс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. №1 (842). — URL: cyberleninka.ru/article/n/shiitskie-negosudarstvennye-vooruzhennye-gruppirovki-na-blizhnem-vostoke-irakskiy-keys (дата обращения: 20.10.2026).

Штрыков А. М. Водное банкротство // Столетие, 10.06.2026. — URL: stoletie.ru/zarubejie/vodnoje_bankrotstvo_125.htm (дата обращения: 20.10.2026).

Annual Report of the U.S. Commission on International Religious Freedom. // USCIRF. Washington, DC. March 2026. iv+92 p. — URL: uscirf.gov/sites/default/files/2026-08/USCIRF_2026_AR.pdf (date of access 20.10.2026).

Boot M. Iran destroys a fundamental U.S. military assumption // The Washington Post. 28.09.2026. — URL: washingtonpost.com/opinions/2026/09/28/iran-war-has-exposed-major-flaw-us-military-strategy/ (дата обращения: 20.10.2026).

Rosen N. Aftermath: Following the Bloodshed of America›s Wars in the Muslim World. — New York. 2010. 581 p.

Salih M. A. Militias and Iraq's Role in a Multifaceted Regional War // FRPI, 25.03.2026. — URL: fpri.org/article/2026/03/militias-and-iraqs-role-in-regional-conflict/ (date of access 18.10.2026).